

УДК 101.1:316.722

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЭТНОС»: ОТ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДО ВОООБРАЖАЕМОЙ КОНСТРУКЦИИ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществляется концептуально-теоретический анализ понятия «этнос». Проводится историко-философский экскурс возникновения терминологии. Выявляются отличия таких понятий, как «этнос», «род», «племя», «этничность», «народ», «нация». Анализируются особенности этногенеза. Обращается внимание на различные подходы к пониманию природы этничности: примордиализм, конструктивизм, инструментализм. Отмечается, что сегодня в рамках понимания сущности этноса осуществляется переход от антропогенетических маркеров к знаково-символическим характеристикам этноса.

Ключевые слова: этнос; этническая общность; этничность; народ; нация; конструктивизм; примордиализм; идентичность.

CONCEPTUAL AND THEORETICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF ETHNOS: FROM OBJECTIVE REALITY TO THE IMAGINARY CONSTRUCTION

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The main purpose of this article is to conceptual and theoretical analysis of the concept of ethnos. In this article provides a historical and philosophical insight into the emergence of terminology. The author reveals the differences of such concepts as «ethnicity», «race», «tribe», «ethnicity», «people», «nation». The article also analyzes the significance of the process of ethnogenesis. The author draws attention to different approaches to understanding the nature of ethnicity: primordialism, constructivism, instrumentalism. The article notes that today in the understanding of the essence of the ethnic group the transition from anthropogenetic markers to symbolic characteristics is carried out.

Key words: ethnos; ethnic community; ethnicity; people; nation; constructivism; primordialism; identity.

Сегодня проблема этничности стала одной из основополагающих линий интеллектуальных поисков как в сфере академического пространства, так и на уровне повседневных осмыслений. Теоретическое и практическое значение разработки проблем этнокультурного диалога, этнической идентичности, этнофанатизма, этнической дискриминации или

этноконфликтов не вызывает сомнений. Хотя, безусловно, вопросы этногенеза и этнического самоопределения были всегда значимы в социально-гуманитарной среде и за ее пределами, однако сегодня мы наблюдаем сильное оживление интеллектуального интереса к проблемному полю этничности. Форсированные процессы аккультурации, интен-

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Концептуально-теоретический анализ понятия «этнос»: от объективной реальности до воображаемой конструкции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:10–17.

For citation:

Kurbacheva OV. Conceptual and theoretical analysis of the concept of ethnos: from objective reality to the imaginary construction. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:10–17. Russian.

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. kurbach.ova@gmail.com

сификации миграционных процессов, лавинообразных изменений в социальной сфере и геополитических конфигурациях, эскалации этнокультурной напряженности и повышенного уровня этнической конфликтности в обществе (от скрытой этнофобии до национал-экстремистских движений) приводят к осмыслению проблемы этнокультурной идентичности и этнокультурного диалога в особом ракурсе. Важно отметить, что сложность и рельефность вопроса определения сущности этничности, этнокультурного самосознания особенно проявились в период становления единого открытого глобализационного пространства, когда тема этничности должна была, на первый взгляд, наоборот раствориться в общей тенденции к космополитизму. Тем не менее сегодня мы наблюдаем реальный процесс возрождения понятий, связанных с этносом, и всплеск интереса к теме этничности. По мнению словенского философа С. Жижека, в этом проявляется особый диалектический парадокс. В контексте глобализации, когда тема этничности должна редуцироваться, этносы наоборот отстаивают свою «прочную привязанность» и настаивают на своей этнической идентичности: «в том, что касается противоречия между этнической особенностью и всеобщностью, “прочная привязанность” описывает одновременно субъекта, цепляющегося за свою особую этническую идентичность, от которой он не готов отказаться ни при каких обстоятельствах, и прямым обращением к абстрактной всеобщности как к тому, что остается неизменной стабильной структурой во всеобщем изменении всего особенного содержания» [1, с. 154]. Что представляет собой этническая идентичность сегодня: объективную или иллюзорную форму самотождественности? В чем опасность и значимость этноцентризма? Каковы грани проявления этнофобии и этнофанатизма? Можно ли избежать этностеротипизации? Какова сущность нового типа расизма («культурный расизм»)? В чем заключаются особенности протекания и разрешения этнокультурного конфликта сегодня? Все эти вопросы обретают новое звучание и концептуальное осмысление в контексте глобального транскультурного пространства. Ответы на них оказывают колоссальное влияние на понимание проблемы диалога культур, формирования национальной идентичности, выбора исторического пути развития локальных культур.

Важно отметить, что сама тема этничности представляет собой достаточно сложное и объемное проблемное поле. Полипарадигмальность в понимании сущности этничности (примордиализм, конструктивизм, инструментализм), наличие множества ракурсов в интерпретации понятия «этнос» (психологический, социологический, этнографический, социально-политический, антропологический, этнографический, исторический и другие срезы),

методологические аспекты исследования и другие факторы максимально расширяют и усложняют формирование единого концептуального осмысления современной проблемы этничности. Поэтому в настоящей работе концептуально-теоретический анализ феномена этничности будет осуществляться на научно-исследовательской базе культурной антропологии, что позволяет комплексно и максимально объективно подойти к рассматриваемой теме, выявив сущности этничности и особенности формирования этнокультурной идентичности в контексте различных подходов.

Понятия «этнос», «этничность», «этническая идентичность», несмотря на наличие внушительного количества литературы по данной тематике, по-прежнему остаются крайне сложными и концептуально многообразными. Различные научные школы и течения предлагают не просто отличающиеся трактовки понимания сущности этноса, а представляют собой альтернативные позиции интерпретации понятий. Что выступает доминантной в определении сущности этнической принадлежности: биологические, исторические, социальные или культурные факторы? Что представляют собой этносы: объективную реальность или «умственную конструкцию» (В. А. Тишков)? Этнос изменчив или константен? Играют ли значимую роль в развитии этноса и формировании идентичности такие характерные особенности, как территориальный фактор и язык? Последний вопрос особенно актуален в контексте глобального открытого пространства и форсированного миграционного процесса.

Сложность определения сущности этноса связана также с тем, что существует не только диахронный срез понимания этничности (развитие представлений об этносе в определенные исторические периоды), но и синхронный срез, в рамках которого одновременно развиваются различные подходы. Так, если в рамках классического (онтологического) подхода отличительными особенностями понимания этноса были гомогенность и статичность его характеристик (С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей, Н. Н. Чебоксаров, Э. Шилз), то в соответствии с конструктивистским подходом (Дж. Комарофф, Ф. Барт, Э. Хобсбаум, В. А. Тишков) этничность понимается как «форма социальной организации культурных различий» вне линейной привязанности к территориальным и антропогенетическим маркерам, в соответствии с которыми этнос обладает субъективными, а не объективными характеристиками [2]. Признаки этнической принадлежности (историческая память, самоназвание, культура) в соответствии с представлениями уже инструменталистского подхода (Р. Брубейкер, Д. Лейтина, Э. Гелнер) являются результатом особых усилий, например, нациостроительства [3]. Современный теоретический дискурс на тему этничности крайне противоречив: существует

колоссальный разброс представлений о ключевой дефиниции. Сложность и многогранность рассматриваемой проблемы предполагает комплексный подход, в котором не представляется возможным абсолютизировать лишь какую-то одну концептуальную установку при исследовании темы. Это позволяет легитимизировать полипарадигмальный подход, в который при рассмотрении обозначенных вопросов интегрированы разные методологические основания и концептуальные схемы.

Сам термин «этнос» появился намного раньше теории этноса, которая по существу оформилась лишь во второй половине XIX в. В соответствии с демографическим энциклопедическим словарем этнос (от греч. *ethnos* – общество, группа, племя, народ) – исторически сложившаяся устойчивая общность людей – племя, народность, нация, – основными признаками которой выступают язык, территория, материальная и духовная культура и самосознание [4, с. 543]. Данное определение даже для непрофессионального исследователя представляется достаточно общим и размытым. Во-первых, не проводится различие между такими понятиями, как «народ», «этнос», «общество», «нация», их ряд делается синонимичным. В свое время Ю. В. Бромлей дал детальное описание этимологии слова «этнос» и провел анализ древнегреческих, а затем средневековых источников, выделяя тенденцию к употреблению данного термина в следующих значениях: «стая, группа», «племя, народ», «негреческое племя», «языческий» [5, с. 22]. Так, уже на уровне этимологии обнаруживается большая палитра смысловых коннотаций. Под данное энциклопедическое определение может подходить любая социальная общность. Российский этнолог Е. М. Колпаков комментирует данное определение: «...качество классического определения этноса таково, что даже советский партийный аппарат подходит под него без особых натяжек. Исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей налицо. Особенности языка – разве аппаратно-канцелярский жаргон не является “новоязом”? Особенности культуры... особые ритуалы... Самосознание своей общности и единства интересов, а также известное противопоставление “мы – они” здесь посильнее, чем у многих народов» [6, с. 15]. Конечно, данное общее определение понятия «этнос» соответствует утверждению в советской этнографии значению, которое было дано сперва С. М. Широкогоровым, а потом конкретизировано Ю. М. Бромлеем. До появления термина «этнос» в русскоязычной литературе повсеместно использовалось понятие «народ». В толковом словаре В. Даля дается следующее определение: «народ – люд, народившийся в известном пространстве; люди вообще жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением; чернь, простолюдие; множе-

ство людей, толпа» [7]. В 1923 г. С. М. Широкогоров дает более точное определение, лишенное социально-классовой дифференциации и многозначности, которая прослеживалась у В. Даля, что затрудняло использование термина в качестве научного. Определение, которое вводит С. М. Широкогоров, становится классическим: «вводя новый термин “этнос”, я даю ему определение: этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличающихся ею от таковых других групп» [8, с. 42]. В работе Ю. В. Бромлея «Очерки по теории этноса», остающейся и сегодня одной из крупнейших работ по теории этноса, было дано дальнейшее развитие представлений об этносе и этногенезе. Несмотря на серьезную критику его представлений в 1990-х гг., исходящую от конструктивистов, в этот период сохраняется предложенное понимание этноса в узком и широком смыслах (в соответствии с дуалистической теорией Ю. В. Бромлея выделяются этникос и этносоциальный организм), а также описание этнодифференцирующих признаков и особенности этнических общностей: «Ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других – религии, в третьих – характерным чертам поведения и т. д.» [5, с. 31]. Ю. В. Бромлей акцентировал внимание на том, что для этнического размежевания несравнимо большее значение, чем физический облик, имеют групповые особенности, культура и общность психики членов этноса, сам по себе этнос представляет собой динамические, исторически сложившиеся системы [5, с. 30]. Вместе с тем для советских этнографов, которые являются представителями школы примордиализма, этнос представлял собой объективную реальность. Данное разногласие и стало камнем преткновения на пути создания единой антропологической парадигмы в конце XX – начале XXI в. и послужило основанием непрекращающегося по сей день спора между сторонниками конструктивизма и приверженцами примордиализма.

Вторым по популярности подходом к пониманию сущности этноса в рамках советского периода был подход, предложенный Л. Н. Гумилёвым. Непризнаваемый в научном академическом пространстве Л. Н. Гумилёв тем не менее был достаточно известен в околonaучной среде. Его теория, в соответствии с которой этнос – это биологическая единица, «феномен биосферы», не имеет под собой научного обоснования. Теория, гласящая, что происходит трансформация различных форм геокосмической энергии в биохимическую энергию живого вещества, которая, в свою очередь, посредством пассионарного толчка (энергетического импульса)

переходит в физиологическую и психическую энергию людей и формирует «этническую пассионарность», предполагала наличие слишком большого количества допущений и бездоказательных фактов. Несмотря на то что этносы, по Гумилёву, отличаются стереотипами поведения и постепенно приобретают социальную оболочку, автор настойчиво определял их как биофизическое образование: «этносы являются биофизическими реальностями, всегда облаченными в ту или иную социальную оболочку» [9, с. 227]. Сегодня, отвлекаясь анализируя положения пассионарной теории, можно сделать предположение о том, что этнос во взглядах Л. И. Гумилёва, скорее, носил посреднический характер, связывая между собой биосферу и общество. Тем не менее пассионарная теория этноса по понятным причинам осталась невостребованной и непринятой в профессиональном пространстве. Стоит заметить, что категориальный аппарат, разработанный Л. Н. Гумилёвым, стал популярным и до сих пор глубоко интериоризирован в академическую и околоакадемическую среду: широко используются такие его понятия, как «суперэтнос», «комплиментарность», «пассионарии» и др.

В целом, если проследить генетическую линию исследований данной проблематики, то начинать следует, безусловно, с Геродота, Страбона, Ксенофонта, Тацита, Плиния старшего или Гиппократ. Последний, например, утверждал, что народный характер обуславливается природно-климатическими условиями [10, с. 14]. Так, еще в античности исследователи начали фиксировать отличительные специфические черты народов. Например, на географической карте Геродота изображен весь известный грекам мир и дается несколько наивное описание различных народов. При этом считается, что Геродот предложил первое этнографическое сочинение в Европе [8, с. 39]. Тацит, в свою очередь, дал детальное описание немцев (*Germania*), которое до сих пор классифицируется как подлинный научный труд. В средневековых хрониках, записках путешественников эпохи Великих географических открытий можно найти интереснейшие описания различных народов Старого Света (Бируни, Ибн Фадлан, Плано Карпини, Марко Поло и др.)

Однако конец XVIII – середина XIX в. – время, когда интерес к проблеме формирования и проявления «духа народа» (*Volksgeist*) становится особенно артикулированным: его исследуют Г. В. Ф. Гегель, В. Вундт, В. Гумбольдт, Г. Г. Шпет, Э. Тайлор. В 1839 г. появляется первое Парижское общество этнологии, а в 1842 г. – отдел этнографии в Русском географическом обществе. Так, в конце XVIII в. немецкий теолог и историк культуры И. Г. Гердер впервые вводит понятие «народ» (*Volk*), обозначающее сообщество людей, языковые и историко-культурные особенности которых формируют их сознание [11, с. 31]. В это

же время Г. В. Ф. Гегель вводит понятие «дух народа» (*Volkergeist*) – самосознание народа, возникающее на одном из этапов самосознания абсолютного духа [12, с. 126]

Возникший интерес связан со своеобразной интеллектуальной и социокультурной констелляцией: отголоски романтизма; опосредованное проявление колониальной политики европейских стран, предполагающей знание о литотизированных этносах; формирование антропосоциологической школы и популярность и распространение эволюционистских идей, оказавших, в свою очередь, влияние на становление идей расизма; первый демографический взрыв в Европе в середине XIX в. и начало массовых переселенческих движений; формирование национальных государств. Эти и многие другие факторы стали основанием для актуализации научно-исследовательского интереса к проблеме этнической идентичности и повлияли на формирование целой парадигмы понимания этноса, этнического самосознания, а затем и феномена нации в культурной антропологии и за ее пределами.

Выделение изучения происхождения и культуры отдельных народов в самостоятельную дисциплину начинается лишь с середины XIX в., хотя сами наименования «этнография» и «этнология» входят в научный оборот еще в XVIII в. [5, с. 178]. По мнению известного итальянского философа и основоположника этнической психологии Дж. Вико, только «новая» наука через исторический анализ языка, мифа, ритуала различных народов поможет постичь истинную человеческую природу [10, с. 12]. В 1859 г. редакторы М. Лацарус и Х. Штейнталь в предварительном извещении о выходе нового журнала заявляют о появлении новой отрасли знания – культурной или этнической психологии: «То, что делает народ именно этим народом лежит существенно не в известных объективных отношениях, как происхождение, язык и т. д., а исключительно в субъективном усмотрении членов народа, которые все вместе смотрят на себя как на один народ» [13, с. 75]. Уже в данных представлениях ученых XIX в. обнаруживаются зачатки возникновения демаркационной линии во взглядах на понимание сущности этноса между западными и советскими этнографами.

Необходимо отметить, что категориальный аппарат советской школы этнографии отличался от глоссария западной интеллектуальной мысли, в которой чаще всего использовались термины *Volk*, *people*, а затем и *natio*, но не использовались понятия «народность», «этнос». В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона термин «этнос» не выделялся и не раскрывался отдельно, а для фиксации этнической общности чаще всего использовался термин «нация» [14, с. 27]. Это объясняет тот факт, что в западной научной литерату-

ре XIX в. превалировали работы по теории нации, а не народа или этноса. В научной русскоязычной литературе понятие «этнос» (введенное С. М. Широкогоровым) начали применять в самом начале XX в. В западноевропейской мысли термин «этнос» начинают использовать лишь в конце 1930-х – начале 1940-х гг. и чаще всего в синонимичном термину «нация» значении. Постепенно в научный тезаурус вводятся термины, производные от понятия «этнос»: «этничность», «этнический», «этническая общность». В данном случае важно отметить, что внедрение единой терминологии в этнографию и антропологию сыграло важнейшую роль в формировании общей исследовательской стратегии. Однако употребление общих понятий еще не означало наличие единого содержательного контекста.

Разрозненные исследовательские парадигмы и теоретические полемики в интеллектуальной среде обусловлены и тем, что само понятие «этнос» существует в тесной связи с понятиями «народ» и «нация». Более того, термины иногда взаимозаменяемы и их используют как синонимичные. Это не только не позволяет прийти к некому парадигмальному, концептуальному консенсусу, но, что самое важное, негативно сказывается на решении конкретных практических задач, например, на предметном анализе и разрешении существующих этнокультурных проблем (этнофанатизм, культурный расизм, сепаратизм, этнический конфликт и т. д.), и нивелирует возможность моделировать и прогнозировать перспективы этнокультурного диалога. В этом ключе именно философия способна эксплицировать основные позиции, а затем аккумулировать альтернативные представления, предложив основание, на котором можно обозначить границы ключевых дефиниций.

Как уже было обозначено, распространение и использование общей терминологической базы в западноевропейской и советской антропологических школах приходилось на середину XX в. Однако это не решило вопрос содержательной путаницы категориального аппарата.

Начиная с середины XX в. и до сих пор, достаточно часто отождествляются понятия «этничность», «этнос» и «народ». Действительно, понятие «этничность», пришедшее в русскоязычную литературу из западной социальной антропологии, используется как синоним понятия «этнос». Однако главное отличие определяется временным контекстом: «этничность» используется в значении «этноса, который находится именно на современном этапе глобальной модернизации». Однако многие из ведущих современных российских этнологов, культурологов, антропологов (например, С. В. Лурье, С. В. Чешко, В. А. Тишков) с большой долей критичности заявляют, что и сегодня в русскоязычной литературе нет общепринятых и приемлемых толкований термина «этнос» и всех его производных: «то явление, ко-

торое обозначается термином “этничность”, едва ли можно, по крайней мере на определенном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции. Пытаясь придумать такую дефиницию, мы, скорее всего, допустим ошибку. Абсолютизируя одни стороны этничности и отбросив другие... и крайний субъективизм, и крайняя онтологизация этничности и этноса в равной мере уведут от исследования существа проблемы» [14, с. 40]. Что является основанием для столь пессимистичных взглядов на возможность построения терминологических границ? Какое определение мы можем считать наиболее приемлемым в современной академической среде? Какова амплитуда семантических расхождений терминов «этнос», «этничность», «народ», «нация», определение которой необходимо для того, чтобы избежать в дальнейшем смысловой путаницы и не стать заложником языковых игр?

Стоит отметить, что на протяжении достаточно долгого времени в учебной и научной литературе используется историко-стадиальная типологизация теории этногенеза. В соответствии с этими представлениями этнос понимается как исторический вид общностей людей и выделяется 3 этапа (стадии) его эволюции: племя в первобытно-общинной формации, народность в раннеклассовых формациях и нация в классово-развитых формациях. Этнос определяется через четыре обязательных признака, которые относятся к теории нации, но автоматически распространяются и на этнос: общность территории, общность языка, общность экономических связей и общность психического склада [14, с. 11]. В соответствии с существующим этнографическим материалом, теоретическими разработками и практическими наблюдениями становится очевидным, что это весьма общая и поверхностная характеристика этноса, которая требует детальной проработки.

Конечно, сегодня в науке сохраняются обозначенные выше исторические типы этносов (племя, народность, нация) как общепринятые стадии этногенеза. Однако если обратиться к более предметному и профессиональному анализу, то можно увидеть, что этногенез, безусловно, предполагает более широкий перечень структурных элементов. Можно говорить о таких стадиях, как семья, род, фратрия, племя, племенной союз, народность, нация. Обычно элементы этногенеза «семья» и «род» опускаются, однако большинство антропологов акцентируют внимание на их принципиальной значимости. Например, патриархальная или расширенная семья представляют собой не просто первичную социальную группу, а базу, на которой развиваются все остальные формы этносов [16, с. 20]. Объединяясь, семьи трансформируются в род (для рода характерны общность мифологических представлений, обычаев, быта, общий диалект и кровнород-

ственные отношения, при этом приняты нормы экзогамии). Род являлся основой возникновения племени. Чем принципиально отличается род от племени, если последнее часто определяют через кровные узы, так же как и род? В этом случае важно учитывать принципы экзогамии, в соответствии с которыми брак можно было заключать лишь с представителями других родов. Таким образом, расширенный родовой союз, интегрированный родственными (ближними и дальними) связями, схожесть культуры, языка, территории и быта становятся основанием для возникновения племени. Однако существовало и промежуточное звено между родом и племенем – это фратрия (от др.-греч. φρατρία – братство). Фратрии представляли собой объединение нескольких родов внутри племени. Более близкие из них по культуре, территории, кровным отношениям объединялись в промежуточную группу, в которой также были распространены правила экзогамии. Вступать в брак можно было лишь с представителями другой фратрии одного племени. Следующим важным и часто забываемым элементом является племенной союз. Этногенез представляет собой сложный и длительный процесс. Переход от одной стадии к другой не осуществляется мгновенно, он занимает достаточно длительное время и предполагает наличие различных факторов. Племя не всегда обязательно трансформируется в народность, прежде племена объединяются между собой (племенные союзы или соплеменность). Для того, чтобы одно племя интегрировалось в другие, необходимо соблюдение определенных условий и наличие некоторых причин. Так, условиями племенного союза являются культурная, языковая, бытовая, территориальная общность, а в качестве причин обычно выступают внешние обстоятельства, например, необходимость ответить на природно-климатические вызовы или объединиться в целях защиты от врагов (кочевников). Если племена объединяются только по внешним причинам и, кроме общей задачи, их ничего не связывает, то такой племенной союз не трансформируется в народность, так как в нем отсутствует фундамент, на котором в дальнейшем будет происходить интеграция и легитимизация единой системы власти. То есть для перехода фратрии (племенного союза) в следующую стадию социальной организации важен как внешний импульс (например, защита от общего врага), так и наличие ряда внутренних условий для долгосрочной консолидации. Среди таких условий обычно выделяют: обладание общей территорией или открытость границ между племенными территориями, общий язык, способствующий легкости взаимопонимания, схожие элементы культуры (религия, миф об общем происхождении и т. д.), общие признаваемые органы управления [9, с. 27].

Однако важно учесть, что этническая история народа не всегда представляет собой прогрессив-

ный и линейный процесс. Не каждый племенной союз трансформируется в народность и далее в нацию. Столкновение с более сильным историческим субъектом может перечеркнуть всю предшествующую эволюцию этнической общности. Если проследить дальнейшую линию этногенеза, то можно отметить, что народность, в отличие от племенного союза, приобретает новую социальную структуру: людей в народности связывает не столько наличие родственных отношений, сколько общий политический институт. Постепенно образуются социальные классы, нивелирующие родственные связи, происходит оформление государственности. Общее государственное управление, территория, хозяйственно-экономические отношения, общая культура, язык – все это выступает в роли мощнейшего механизма трансформации народности в нацию. Однако данная версия линейной эволюции народности в нацию встречается редко, так как территориальные границы народности подвижны (в этом случае нация выступает как прямое продолжение этнокультурной общности). Наиболее распространенный вариант возникновения нации – это ассимиляция или соединение нескольких народностей, вызванное внешними причинами и наличием близких культурно-языковых черт (например, французская, русская нации). В таком случае нация представляет собой единую политическую общность, интегрирующую различные народности. В результате вырабатываются единые культура и литературный язык, формируется общее символическое коммуникативное пространство, вырабатывается общенациональная Я-концепция, формирующая национальное самосознание. В результате нация представляет собой воображаемое единство, в котором институционально объединены различные народности схожие по культурно-языковому развиту.

Таким образом, осуществив концептуально-теоретический анализ понятий, можно зафиксировать некоторые терминологические границы.

Во-первых, необходимо обозначить соотношение терминов «народ» и «этнос». Термин «народ», как уже было отмечено, возник и использовался раньше термина «этнос», однако в академической среде он был лишен научного статуса в силу своей многозначности и размытости (народ может быть понят и в политическом значении, в этом случае он синонимичен понятию «нация», и в этнокультурном, тогда его можно заменить понятием «этнос»). В связи с этим говорить о тождественности понятий «этнос» и «народ» весьма некорректно, либо необходимо использовать соответствующие оговорки. Однако в научной литературе по-прежнему можно встретить отождествление производных этих понятий. Так, народное приравнивается к этническому, важно понимать, что под определением «народный» понимается, скорее всего, «традиционный»,

а не «этнический» (это понятие шире, чем локальный акцент на определенных традициях).

Другим обстоятельством, затрудняющим смысловую определенность, является принятая еще в советский период марксистская историко-стадиальная теория этногенеза, в соответствии с которой народ – это лишь определенный исторический этап развития этноса, т. е. народ одновременно является и людьми в целом, и обществом в определенном государстве («мы, белорусский народ....»), и стадией этногенеза. Понятие «народный» также несет различные смысловые нагрузки и заменяется синонимичным рядом: традиционный (исконно присущий), всеобщий (выбор народа), этнический (характерный именно для этой социальной общности). Амплитуда семантических значений настолько широка, что естественное последствие такого использования понятийного ряда – возникновение содержательной путаницы.

Во-вторых, важно обозначить соотношение терминов «нация» и «этнос». Для анализа этой терминологической пары стоит остановиться подробнее на понятии «нация». Термин *natio* латинского происхождения употреблялся в Древнем Риме чаще всего для обозначения племенных общностей [14, с. 28]. В раннем Средневековье названный термин утрачивает свои этнические корни и отражает культурный, «цивилизованный» уровень народов, отличающихся от варваров. Ю. Д. Гранин приводит следующий исторический пример: «многочисленные племена и народности, входившие в империю Каролингов (нормандцы, бургундцы, бретонцы, франки, баварцы, саксы и др.) еще долго после ее распада именовали себя “нациями”, по сути не будучи таковыми» [17, с. 10]. В позднем Средневековье термин «нация» уже несет корпоративно-организационный смысл: в средневековых университетах нации – это своего рода студенческие корпорации, землячество. Например, в Пражском университете было четыре нации: чешская, саксонская, баварская и польская, при этом немецкие студенты состояли во всех нациях, кроме чешской. На нации подразделялись религиозные ордены и купеческие союзы. Нации в основном являлись критерием административного разделения, а не носили политический или этнический контекст [18, с. 204]. Важно учитывать, что это была эпоха феодальной раздробленности и интеграция по этническому критерию или языковой культурной общности не являлась первоочередной задачей. Становится более понятной семантическая эволюция термина «нация», которая была исторически связана со становлением индустриального (в данном случае капиталистического) общества и формированием в Европе крупных централизованных административных центров (государств), объединяющих на своей территории

многочисленные различные этнические группы в единую хозяйственно-экономическую и политическую систему. В связи с этим в западноевропейских языках под термином «нация» понимается «совокупность граждан одного государства» [14, с. 29]. Такая статистическая трактовка нации поясняет основной принцип разграничения терминов «нация» и «этнос». Нация может интегрировать различные этнические группы и определяет не этническую, а гражданскую принадлежность. За редким исключением политоним не только определяет гражданскую идентичность, но и совпадает с этнонимом (например, «японцы»). Как видно, термины «этнос» (от греч. *ethnos* – народ) и «нация» (от лат. *natio* – племя, народ, рождаться) имеют разные исторические и этимологические судьбы.

Осуществленный концептуально-теоретический анализ понятия «этнос» позволяет не только зафиксировать его общие терминологические границы, но и сделать неоспоримый вывод о том, что этнос представляет собой непосредственно социальный, а не биологический организм. Биологические признаки наследуются генетически и подвержены трансформации лишь в случае мутационного изменения генов. Социокультурные признаки, в свою очередь, не наследуются, а приобретаются через процесс социализации и инкультурации в определенном культурно-языковом пространстве. Важно отличать этническую и расовую принадлежности к определенной группе. Антропогенетические признаки (цвет кожи, разрез глаз, пигментация волосяного покрова и т. д.) не являются определяющими показателями этнической идентичности, а отражают расовую принадлежность. В данном случае чаще всего происходит терминологическая и идентификационная путаница. Сегодня в условиях глобального миграционного процесса, ассимиляции и процессов транскulturации, важнейшими этнокультурными признаками, определяющими этническую принадлежность, а значит, и символические границы этноса, выступают культура, язык, мировоззренческие установки, общие мифы, признание человека другими представителями этноса как «своего». В силу открытости культурных границ не представляется возможным говорить о существующих современных закрытых гомогенных и сугубо функциональных границах этнической общности. Сегодня следует вести речь о множественной и релятивистской этнокультурной идентичности, в соответствии с которой происходит смещение от этноприродных форм идентичности (антропогенетических показателей) к знаково-символическому измерению. Однако стоит отметить, что спор между примордалистами и конструктивистами до сих пор не прекращается, поэтому вопрос о природе этнокультурной идентичности по-прежнему актуален.

Библиографические ссылки

1. Жижек С. *Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии*. Щукина С, переводчик. Москва: Дело; 2014.
2. Тишков ВА. Этнос или этничность. В: Тишков ВА. *Этнология и политика* [Интернет]. Москва: Наука; 2001 [протитировано 20 октября 2018]. Доступно по: valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html?forprint=1/.
3. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Николаева В, переводчик. Москва: Новое издательство; 2001.
4. Этнос. В: Валентей ДИ, редактор. *Демографический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1985.
5. Бромлей ЮВ. *Этнос и этнография*. Москва: Наука; 1973.
6. Колпаков ЕМ. Этнос и этничность. *Этнографическое обозрение*. 1995;5:13–23.
7. Даль В. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Эксмо; 2016.
8. Широкогоров СМ. *Этнографическое исследование*. Владивосток: издательство Дальневосточного федерального университета; 2001.
9. Гумилев ЛН. *Этногенез и биосфера Земли*. Москва: Прогресс; 1993.
10. Хотинцев ВЮ. *Этническое самосознание*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000.
11. Гердер ИГ. *Идеи к философии истории человечества*. Михайлова АВ, переводчик. 2-е издание. Москва: Прогресс; 2013.
12. Гегель ГВФ. *Философия истории*. В: Гегель ГВФ. *Собрание сочинений. Том 8*. Москва: Мысль; 1990.
13. Шажинбат А. *Этнос как философско-антропологическая проблема*. Москва: Эдитиус; 2015.
14. Козлов ВИ. *Этнос. Нация. Национализм*. Москва: Старый сад; 1999.
15. Чешко СВ. Человек и этничность. *Этнографическое обозрение*. 1994;6:40.
16. Налчаджян А. *Этногенез и ассимиляция*. Москва: Когито; 2004.
17. Гринин ЮД. *Этносы, национальное государство и формирование российской нации: опыт философско-методологического исследования*. Москва: Институт философии Российской академии наук; 2007.
18. Козинг А. *Нация в истории и современности*. Феерштейн С, Каитахчян Н, переводчики. Москва: Прогресс; 1978.

References

1. Žižek S. *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*. London: Verso; 1999.
Russian edition: Žižec S. *Shchekotliviy sub'ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii*. Shchukina S, translator. Moscow: Delo; 2014.
2. Tishkov VA. [Ethnos or ethnicity]. In: Tishkov VA. *Etnologiya i politika* [Ethnology and Policy] [Internet]. Moscow: Nauka; 2011 [cited 2018 November 20]. Available from: valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html?forprint=1/. Russian.
3. Anderson B. *Imagined communities reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso; 1983.
Russian edition: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Nikolaeva V, translator. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2001.
4. Ethnos. In: Valentei DI, editor. *Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Demographic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1985. Russian.
5. Bromley BV. *Etnos i etnografiya* [Ethnos and ethnography]. Moscow: Nauka; 1973. Russian.
6. Kolpakov EM. [Ethnicity and ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1995;5:13–23. Russian.
7. Dal' V. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Eksmo; 2016. Russian.
8. Shirokogorov SM. *Etnograficheskoe issledovanie* [Ethnographic research]. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern Federal University; 2001. Russian.
9. Gumilev LN. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow: Progress; 1993. Russian.
10. Khotinets VY. *Etnicheskoe samosoznanie* [Ethnic identity]. Saint Petersburg: Aleteya; 2000. Russian.
11. Herder JG. *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*. Riga: [publisher unknown]; 1784.
Russian edition: Herder IG. *Idei k filosofii istorii chelovechestva*. Mikhailova AV, translator. 2nd edition. Moscow: Progress; 2013. Russian.
12. Hegel GVF. [Philosophy of history]. In: Hegel GVF. *Sobranie sochinenii. Tom 8*. [Collected works. Volume 8]. Moscow: Mysl'; 1990. Russian.
13. Shaginbat A. *Etnos kak filosofsko-antropologicheskaya problema* [Ethnicity as philosophical-anthropological problem]. Moscow: Editus; 2015. Russian.
14. Kozlov VI. *Etnos. Natsiya. Natsionalizm* [Ethnicity. Nation. Nationalism]. Moscow: Staryi sad; 1999. Russian.
15. Cheshko SV. [Man and ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1994;6:40. Russian.
16. Nalchajian A. *Etnogenez i assimilyatsiya* [Ethnogenesis and assimilation]. Moscow: Kogito; 2004. Russian.
17. Grinin JD. *Etnosy, natsional'noe gosudarstvo i formirovanie rossiiskoi natsii: opyt filosofsko-metodologicheskogo issledovaniya* [Ethnic Groups, national state and the formation of the Russian nation: the experience of philosophical and methodological research]. Moscow: Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences; 2007. Russian.
18. Kozing A. *Natsiya v istorii i sovremennosti* [Nation in history and modernity]. Feershtein S, Kaitakhchyan N, translators. Moscow: Progress; 1978. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2018.
Received by editorial board 20.10.2018.